

Иванов: В числе участников конференции, состоявшейся в рамках Дней духовного согласия, были политики, государственные служащие, представители религиозных организаций разных направлений, ученые-теологи, религиоведы, другие деятели науки и культуры, педагоги, представители общественности. Конференция наглядно продемонстрировала движение вперед человеческого духа, все большее осознание общечеловеческих ценностей, вынесенных в ее название.

Иванов: На меня произвел впечатление состав участников конференции, в числе которых была весьма представительная делегация из России, что дало возможность сравнить состояние и выявить известную общность проблем развития толерантности в наших странах, связанных узами добрососедских отношений. Конференция носила дискуссионный, порой острый характер, и все участники получили в ходе ее работы материал о толерантности, чего многим из нас еще крайне не хватает.

Иванов: В ходе своей работы мы отметили неформальность, открытость состоявшейся дискуссии, иногда характеризовавшиеся полнотой точек зрения. Но при этом никто никого не подвергал остракизму и безапелляционной критике, не допускал личных выпадов, все выступления были выдержаны в благожелательном тоне. О действительности таких встреч и обсуждений говорит уже то, что их участники, нередко являющиеся до известной степени идеальными антиподами, принимают совместные декларации. Так было и на этот раз.

Артемов: Организатором конференции стал Международный Общественный Фонд "Конгресс Духовного Согласия". Его президент, депутат мажлеса парламента РК Төлген Мұхамеджанов заявил, что форум станет традицией. Поэтому я полагаю, что в дальнейшем следовало бы несколько расширить состав его участников, пригласив больше представителей религиозных организаций.

Иванов: Следующая такая конференция, как я предполагаю, может быть проведена летом 2006 года в рамках планируемого Второго саммита мировых религий. К его открытию должно быть завершено строительство в Астане Дворца мира и согласия. Его архитектурный силуэт уже проектируется.

Артемов: Подобный дворец воздвигнут в Дели. Он стал символом многоконфессиональной Индии. И казахстанцы замыслили - собрать под одним шатром разные конфессии на началах толерантности.

Иванов: На мой взгляд, возведение и деятельность нашего Дворца мира и согласия - это продолжение сложившейся идеи, легшей в основу создания Ассамблеи народов Казахстана. Но, разумеется, в иной организационно-тематической форме.

Артемов: Владимир Александрович, вы в своем выступлении на конференции назвали религиозный фактор одним из главных в обеспечении стабильности динамично развивающегося мира. Может возникнуть вопрос: не опровергают ли этот ваш тезис происходившие в мире в последние годы экстремальные события?

Иванов: Наоборот, эти трагические события, по моему мнению, только подтверждают данный тезис. Экстремизм прикрывает свои наболевшие цели религиозной фразеологией. Подчеркну, что практически все религиозные деятели осуждают терроризм. Я убежден, что религиозный фактор как таковой есть свидетельством прогресса человечества, но он определяет, как же работать над проблемами развития толерантности в наших странах, связанных узами добрососедских отношений. Конференция носила дискуссионный, порой острый характер, и все участники получили в ходе ее работы материал о толерантности, чего многим из нас еще крайне не хватает.

Иванов: Действительно, история не давала нам свидетелей, что на этапе развития цивилизации религиозности могло возникнуть нечто иное. Что объединило варварскую Европу в раннее средневековье? Христианство. Кто объединил племена бродячих? Прохлад Мухомед. Если бы князь Владимир Ясное Солншико принял, скажем, мусульманство, на территории Киевской Руси возникла бы великая исламская держава. Прими он, скажем, иудейство или католическую религию, появилась бы великая иудейская или католическая славянская держава. Но князь и вслед за ним народ Киевской Руси приняли византийское православие. Со всеми его плюсами и минусами. Религиозный фактор является объединяющим началом и для ряда институтов общечеловеческих.

Артемов: Понятно, религия способна объединить общество, но когда начинают использовать, как вы его называете, религиозный фактор в определенных политических целях или для удовлетворения чьих-то корыстных интересов, то возникает комплекс противоречий.

Иванов: С развитием общественных процессов религия может стать фактором разделения. В среде, к примеру, русского народа существует известная дифференциация: верующие - неверующие, православные - не православные, протестанты и т.д. Религиозная жизнь, хотя она и очень богата в своих проявлениях, всегда осуществляется в определенных, конкретных исторических рамках. И старообрядцы, и американские индейцы-язычники крестили по католическому обряду. Несомненно, затопляла на руины или на кострах жи-

тели. Стало быть, религия может быть и дезинтегрирующим фактором. Но в целом в парадигме "религия и человечество" религия есть свидетель прогресса человечества. Если абсолютное большинство людей Земли, крупная и красивая, была бы населена одним народом, где у всех одной религии, то последняя, естественно, не стала бы ни дезинтегрирующим фактором, ни вообще никак-им положительным, ни отрицательным. Но конкретный социум всегда следует своим социальным законам.

Артемов: Историческая реальность является постоянным дроблением, расколом и слиянием, образованием новых конфессий и деноминаций. Французский математик, физик, философ и теолог Блез Паскаль говорил: "У сердца своя логика, которую логически не понять". Другими словами, каждый человек избирает сам свою веру, избирает, какому богу поклониться. Или не поклониться никому вообще.

Иванов: Но в таком случае человек может и вовсе отступить самого себя на это вакантное место.

Артемов: У сердца действительно своя логика. Даже в одной семье бывает, что один ее член - православный, другой становится христианином. Или же, наоборот, один из нас - православный, другой - атеист. Это закон семьи, где два священнослужителя. Один - православный, другой - протестант. Логическое этого никак не понять. Но и ситуация, что отменяется вами, Артур Игоревич, постоянные дробления, расколы и слияния в религии есть признак ее движения. К примеру, христианство возникло в лоно иудаизма, как на древнем древне еврействе, которая своим масштабам превзошла материнское древнееврейство.

Артемов: Такое движение - это абсолютный нормальный процесс для любого религиозного направления.

Иванов: Однако как только начинаю искусственно тормозить процесс развития религии, возникает ее кризис, и происходит такие расколы, которые и представить было бы трудно при естественном ее движении. В России, например, много старообрядчества. Насаждение же никонианства привело к трагедии, разнузданной на столетия. Раннее средневековье иным было не могло. В ряде стран Европы - Франция, Италия - иногда физически истребляли практически все носители некоторых идей, за грех уникатолического населения целых областей. Началось все это еще до учреждения инквизиции, когда по приказу римских пап "меч не вышол из крови". Торжества, пытки, издевательство, кресты становились все более пышными в христианском мире, забывшись о евангельской проповеди "любовь к ближнему как к самому себе".

Артемов: А вот атеизм - как новое - изначально являлся безусловным человеколюбием. Его идея зарождалась еще в глубокой древности. Конечно, я не говорю о том восточном, индуизмическом дашме, который главенствовал на протяжении многих десяти-

летий в бывшем СССР. Здесь уж ни о каком человеколюбии говорить уже приходится. Под лозунгом борьбы с религией, "опиумом для народа", крушили культурные здания, убивали и сжигали ГУЛАГ, сваяли костры. Никто-лей. Это была страшная трагедия.

Иванов: Причем вполне объяснима. Коммунистическая идеология не могла терпеть присутствия рядом с собой такого универсального идеологического конкурента, как религия. Не прямо по теме, но приведу такой факт. Мне рассказывал известный казахстанский ученый Валерий Яковлев, ныне покойный, как, будучи в 30-е годы студентом, он охранял в Семипалатинском оловом заводе, который находился в поселке, куда привозили продукты из разных регионов Казахстана. Уралу и Сибири. Знаете, сколько времени горит икона, сушен, пропитанная маслом? В среднем столько же, сколько папа спит. Можете представить, какое количество икон было там сплено за три века.

Артемов: Мне при всем моем личном атеизме безумно жалко эти пропавшие плоды человеческого труда, а ведь может и человеческого гения. Мне жалко и античные, древнеримские храмы, которые христиане разваливали на территории постальского французского государства. Жаль, любые реликвии, уничтоженные человеческим неприятием или злой.

В том же Семипалатинске на берегу Иртыша стояли два огромных здания. Одно было кафедральной мечетью, другое - кафедральным собором. Божественно-безбожники их не могли разбить чужими бабами. Вызвали их, чтобы высверлили в стенах шурупы, заложили снаряды и взорвали. В Москве хотели снести храм Василия Блаженного. В Алматы Святослава Николаевича церковью уцепила лезвием, что в ней разместили сначала пеленодородный техникум, потом артиллерийское училище, а затем госпиталь.

Артемов: А в Свято-Вознесенском кафедральном соборе был устроен Музей атеизма, после преобразования в Государственный музей Казахстана в Алматы Святослава Николаевича церковью уцепила лезвием, что в ней разместили сначала пеленодородный техникум, потом артиллерийское училище, а затем госпиталь.

Иванов: И тем не менее, несмотря на репрессии, кровь, огонь и железо, движение человеческого духа не прерывалось. С гонимыми, верующими, уничтожаемым церковным знанием идея не умирали, они возрождались, потому что были обусловлены внутренним развитием церкви.

Нельзя сказать, что на испанский престолах порой занимали люди, не соответствующие самому понятию священства, попы развития католицизма в преемстве могли принять безукоризненной. Это, пожалуй, единственная церковь в мире, по которой я могу сказать, что она развивалась абсолютно логично. Несмотря на инквизицию. Изучив историю католицизма, я сделал для себя вывод: да,

ваши были. Однако, следует напомнить, что одним из основополагающих документов, определяющих возможности государства в сфере регулирования деятельности религиозных организаций, в частности и в Казахстане, является Декларация ООН об искоренении всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религий или убеждений, принятой еще в 1981 году. И в законе РК "О свободе совести и религиозных организациях".

Артемов: Кстати, одним из разработчиков которого является ваш коллега, доктор юридических наук Александр Кривошеин, является Декларация ООН об искоренении всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религий или убеждений, принятой еще в 1981 году. И в законе РК "О свободе совести и религиозных организациях".

Иванов: Принято было узнать, что в недавнем остремом послании Государственного департамента конгрессу США, посвященном вопросам свободы совести и религии, было отмечено, что наш казахстанский закон один из самых демократичных в мире.

Иногда меня спрашивают: если церковь отделена от государства, то о каком государственном регулировании может идти речь? Я бы ответил: два интона, объединяющих образуют группу. Если человек группы больше, это уже организация. С определенной формой внутренних взаимоотношений и, соответственно, нерархичной структурой. Данная организация неминуемо вступает во взаимоотношения и с государством, и с другими организациями. Государство не может быть нейтральным по отношению к религиозным объединениям. Эти отношения должны регулироваться законодательством. Однако государство, устанавливая определенные правила взаимоотношений религиозной организации и общества, регулирует только гражданскую часть этих отношений - не религиозную.

Артемов: В этом аспекте светское государство и церковь отделены друг от друга. Объявие себя светским и

страсти руководителей. Это, я считаю, недопустимо точно так же, как и покаяние перед людьми только об избранных конфессиях. В своем случае это терпимость государства к существованию и деятельности религиозных организаций и норма любого диалога. Во втором - религиозная терпимость внутри самой конфессии. Но у терпимости как чуждой вещи и свои рамки. Как я могу быть толерантным к бандформированиям, террористическим организациям?

Иванов: Приведу суждение Президента нашей страны Н. А. Назарбаева по поводу "народа Казахстана" (2005 г.): "Нам чужды нетерпимость или религиозный фанатизм... Мы извещаем миру своей толерантностью, межкультурным, межнациональным, межконфессиональным сотрудничеством и диалогом".

Как всем известно, человек, его жизнь пронизаны высшей ценностью - Конституцией Республики Казахстан. Человек, его сущность признаются и высшей ценностью в любой религии. Потому человек является основой для любого диалога как между государством и религиозными объединениями, так и в межкультурных отношениях.

В Казахстане в последние 15 лет отмечается количественный рост религиозных объединений, традиционных для нашей страны. В Алматы 95 процентов от общего числа верующих приходится на ислам и православие. В ряде областей эта цифра достигает 100 процентов.

Артемов: Считаю нужным уточнить, что в разных регионах количественно верующих составляет всего от 17 до 35 процентов от численности местного населения. Таким образом, нельзя согласиться с тем, что считают, что в Казахстане в настоящее время переживает некий религиозный бум.

Иванов: В этой связи отмечу два момента. Первое: если говорить о протестантских организациях, то они имеют многих своих единомышленников за

рубежом в 2005 году только-только восстановили свою численность, которую имели в советский период. Второе: верующие в нашей стране были всегда, но не достаточно открыто, храмы, костелы, молитвенные дома, соборы, синагоги в дополнение к тому немалому числу культовых сооружений, которые были возведены государством религиозных организаций.

Артемов: Не секрет, что для религиозных организаций общество - это конкурентная среда, где идет такая борьба за пастырь, что иной раз переходят границы толерантности. Это, конечно же, не красит соперников. Нельзя преступать рамки уважительного отношения друг к другу. Меня, например, раздражают отдельные публикации представителей РПЦ в отношении той же церкви Свидетелей Иеговы или же заявления Духовного Управления Мусульман Казахстана об ахмадийском движении.

Иванов: Вы же, Артур Игоревич, сами говорите, что любое религиозное объединение борется за поле своего влияния.

Артемов: Но эта борьба должна происходить в цивилизованных формах. Здесь, я считаю, многим еще необходимо думать об этике культуры диалога, толерантной культуры.

На недавно состоявшейся в Алматы в Посольстве мира международной научно-практической конференции

"Толерантность, веротерпимость и свободолюбие - основа культуры мира", подчеркивалось, что есть толерантность и толерантность. В первом случае это терпимость государства к существованию и деятельности религиозных организаций и норма любого диалога. Во втором - религиозная терпимость внутри самой конфессии. Но у терпимости как чуждой вещи и свои рамки. Как я могу быть толерантным к бандформированиям, террористическим организациям?

Иванов: Приведу суждение Президента нашей страны Н. А. Назарбаева по поводу "народа Казахстана" (2005 г.): "Нам чужды нетерпимость или религиозный фанатизм... Мы извещаем миру своей толерантностью, межкультурным, межнациональным, межконфессиональным сотрудничеством и диалогом".

Как всем известно, человек, его жизнь пронизаны высшей ценностью - Конституцией Республики Казахстан. Человек, его сущность признаются и высшей ценностью в любой религии. Потому человек является основой для любого диалога как между государством и религиозными объединениями, так и в межкультурных отношениях.

В Казахстане в последние 15 лет отмечается количественный рост религиозных объединений, традиционных для нашей страны. В Алматы 95 процентов от общего числа верующих приходится на ислам и православие. В ряде областей эта цифра достигает 100 процентов.

Артемов: Считаю нужным уточнить, что в разных регионах количественно верующих составляет всего от 17 до 35 процентов от численности местного населения. Таким образом, нельзя согласиться с тем, что считают, что в Казахстане в настоящее время переживает некий религиозный бум.

Иванов: В этой связи отмечу два момента. Первое: если говорить о протестантских организациях, то они имеют многих своих единомышленников за

рубежом в 2005 году только-только восстановили свою численность, которую имели в советский период. Второе: верующие в нашей стране были всегда, но не достаточно открыто, храмы, костелы, молитвенные дома, соборы, синагоги в дополнение к тому немалому числу культовых сооружений, которые были возведены государством религиозных организаций.

Артемов: Не секрет, что для религиозных организаций общество - это конкурентная среда, где идет такая борьба за пастырь, что иной раз переходят границы толерантности. Это, конечно же, не красит соперников. Нельзя преступать рамки уважительного отношения друг к другу. Меня, например, раздражают отдельные публикации представителей РПЦ в отношении той же церкви Свидетелей Иеговы или же заявления Духовного Управления Мусульман Казахстана об ахмадийском движении.

Иванов: Вы же, Артур Игоревич, сами говорите, что любое религиозное объединение борется за поле своего влияния.

Артемов: Но эта борьба должна происходить в цивилизованных формах. Здесь, я считаю, многим еще необходимо думать об этике культуры диалога, толерантной культуры.

На недавно состоявшейся в Алматы в Посольстве мира международной научно-практической конференции